

RU

«Вызов постмодернизма» в истории: когнитивные основания методологического поражения

Папченко Е. В., Назарова В. С.

Аннотация. Цель исследования – обосновать тезис о когнитивной несостоятельности постмодернистской методологии в исторической науке. В статье анализируется влияние постмодернистской эпистемологии на историческую науку. На основе ретроспективного обзора дискуссий в британской, французской и американской историографии, а также критических работ А. Я. Гуревича, Л. П. Репиной, Л. Стоуна, А. Марвика и других авторов показано, что постмодернистский вызов привел к смещению когнитивных различий исторического сознания: между историческим и литературным дискурсом, между фактом и вымыслом, между верифицируемым знанием и идеологической конструкцией. Научная новизна заключается в том, что с позиции когнитивной эпистемологии обосновывается тезис о популярности постмодернизма в историографии, порождая неизбежные когнитивные издержки, что влечет за собой неспособность обеспечить кумулятивность, воспроизводимость и коллективную валидность исторического знания. В итоге авторы статьи приходят к результату исследования о необходимости возвращения к процедурной рациональности и критерию фактической ошибки как базового условия профессиональной исторической работы.

EN

“The postmodernist challenge” in history: cognitive grounds for methodological failure

E. V. Papchenko, V. S. Nazarova

Abstract. The aim of the study is to substantiate the thesis of the cognitive inadequacy of postmodernist methodology in historical sciences. The article analyzes the influence of postmodernist epistemology on historiography. Based on a retrospective review of debates in British, French, and American historiography, as well as critical works by A. Ya. Gurevich, L. P. Repina, L. Stone, A. Marwick and others, it is shown that the postmodernist challenge has shifted the cognitive boundaries of historical consciousness: between historical and literary discourse, between fact and fiction, and between verifiable knowledge and ideological construction. The scientific novelty consists in arguing, from the standpoint of cognitive epistemology, that the popularity of postmodernism in historiography produces inevitable cognitive costs, resulting in an inability to ensure the cumulativity, reproducibility, and collective validity of historical knowledge. The authors conclude that it is necessary to return to procedural rationality and to the criterion of factual error as a fundamental condition of professional historical practice.

Введение

Постмодернизм как общефилософское течение оформился в середине 60-х годов XX века и поставил под сомнение легитимность базовых идеалов модерна: прогресса, истины, смысла и рационального познания. Как иронично заметил Ж. Деррида, все эти понятия были объявлены как «набор идеологических мифов» (2000, с. 318). Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на очевидное угасание интереса к постмодернизму в профессиональной исторической среде к началу XXI века, его методологическое наследие продолжает оказывать влияние на практику историографии, особенно в упрощенных и идеологизированных формах. До сих пор остается открытым вопрос о том, почему постмодернистская методология, оказавшись когнитивно несамостоятельной, тем не менее оказывала существенное влияние на формирование научного знания и продолжает воспроизводиться в некоторых сегментах научного и в том числе исторического дискурса. Актуальность представленной работы обусловлена необходимостью эпистемологической рефлексии над основаниями исторической науки в условиях современного методологического плюрализма

и распространения практик «постправды», где историческое знание все чаще подменяется идеологически ангажированными нарративами. Без критического анализа постмодернистского вызова невозможно выстроить устойчивые критерии профессионального знания.

Для достижения цели были поставлены и решены следующие задачи:

- 1) реконструировать ключевые аргументы постмодернистской критики традиционной исторической методологии;
- 2) систематизировать основные контраргументы профессионального исторического сообщества в работах А. Я. Гуревича, Л. П. Репиной, Л. Стоуна, Г. М. Шпигель, А. Марвика;
- 3) выявить когнитивные механизмы, объясняющие как временную популярность постмодернизма, так и его последующее поражение в исторической науке;
- 4) продемонстрировать практические следствия влияния постмодернизма на современные исследовательские труды.

В работе использованы историко-генетический метод для реконструкции эволюции постмодернистских идей в историографии, сравнительно-аналитический метод для сопоставления позиций сторонников и противников постмодернизма, а также элементы когнитивного анализа для объяснения устойчивости определенных эпистемологических установок.

Теоретическая база исследования опирается на классические работы постмодернистских теоретиков (Деррида, 2000; Уайт, 2024; Jenkins, 1991), а также на критическую литературу Г. М. Шпигель (Spiegel, 1992), отстаивавшей социальную логику языка, А. Марвика (Marwick, 1995a), сформулировавшего семь базовых правил профессионального исторического исследования. Ключевыми источниками из российской историографии послужили работы А. Я. Гуревича (1991), Л. П. Репиной (1996), В. П. Визигина (1996), которые, признавая отдельные достижения «лингвистического поворота», выступили с последовательной критикой постмодернистского релятивизма.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты, обоснование критериев процедурной рациональности для значимого исторического исследования могут служить ориентиром для молодых исследователей в выборе методологической стратегии, позволяющей отличать научное историческое знание от идеологизированных или дилетантских симулякров.

Обсуждение и результаты

К 1970-1980-м гг. постмодернистская критика нашла свое место в методологии исторической науки, предложив пересмотреть профессиональные конвенции историков. В. П. Визигин (1996, с. 124) характеризовал этот процесс как скромное обновление новой методологии в науке, пересмотр некоторых конвенциональных положений, но к 1990-м гг. это явление стало проявлять себя уже как фундаментально переформатированное методологическое основание исторического познания. С точки зрения когнитивной эпистемологии, различие между фактическим знанием о прошлом и нарративным описанием приводит к стиранию грани научной объективности. Отчасти такое положение вещей объяснялось тем, что новое течение стало своеобразным откликом интеллектуалов на марксизм и структурализм. С другой стороны, расширение предметного поля истории в период после Второй мировой войны, связанное с появлением локальной истории, истории ментальностей, интеллектуальной истории, неизбежно поднимало вопрос о создании и применении в исторической науке новых познавательных процедур. Сторонники постмодернизма в истории, стремясь освободить творческую индивидуальность историка от ограничений, налагаемых на нее «глобальными детерминизмами» (от марксистской концепции исторических формаций до различных вариантов теории модернизации), выражали скепсис по отношению к традиционной трактовке исторической истины. По их мнению, историк, создавая исторический текст, действует фактически так же, как поэт или писатель. Следовательно, текст историка – это повествовательный дискурс или нарратив, который следует тем же нормам риторики, что и в художественной литературе (Гуревич, 1996).

Эта позиция вызвала жесткую реакцию со стороны значительной части профессионального научного сообщества. Так, российский историк А. Я. Гуревич, один из сторонников школы «Анналов», справедливо обращал внимание на то, что постмодернисты в исторической науке (заметим, что он всячески избегал называть их историками) используют как синонимы постмодернизма термины «постструктурализм» и «лингвистический поворот», что отражает отказ от прежней исторической традиции (Гуревич, 1991). Ученый констатировал, что «лингвистический поворот» действительно обнаружил некоторые слабости в методологии истории, но отказ от традиции считал неоправданным. Ключевой аргумент, впоследствии развитый Л. П. Репиной (1996), заключается в принципиальном различии между историческими и литературными дискурсами. Литературный сюжет и интрига понятны автору, поскольку создаются как результат собственного вымысла. Исторический же источник никогда не обладает той «прозрачностью», которая позволила бы исследователю хотя бы приблизиться к постижению прошлого (Гуревич, 1996). Игнорирование этого различия, по мысли специалиста по философии и методологии истории Л. П. Репиной (1996), способно поколебать не только представление об исторической реальности, но и собственную идентичность историка и его уникальную квалификацию. Уничтожение грани между историей и литературой неизбежно ведет к отрицанию различий между фактом и вымыслом и, как следствие, к непрофессиональному подходу к методологической работе историка – когда историю может «сочинить» каждый, кто владеет нарративными техниками, но не имеет профессиональных навыков работы с источниками (Репина, 1996). По сути, постмодернистская парадигма породила очень аморфную и опасную методологию,

которая не требовала от автора «исторического сочинения» ни необходимых историку глубоких профессиональных знаний, ни усилий, связанных с анализом источников. Поэтому неудивительно, что значительная (но, увы, не подавляющая) часть профессиональных историков отвергла «вызов постмодернизма».

Именно эта опасность стала центральной в дискуссии, развернувшейся на страницах ведущих исторических журналов в 1990-е годы. Британский историк Лоуренс Стоун (1991) в статье для “Past and Present” положил начало систематической критике постмодернизма в историоописании. Он полагал, что угрозу историческому знанию представляют три направления: постмодернизм (постструктуралистская лингвистика), культурная и символическая антропология, а также неоиоризм (Stone, 1991, p. 217-218). Общим местом их методологического и эпистемологического единства является сама возможность объективной истины, представить реальность как дискурсивный ряд символических систем и доказать, что исторические тексты – семиотические зеркала, не отражающие ничего, кроме самих себя. Постмодернистским ответом Стоуну стала позиция Питера Джойса (Joyce, 1991), который утверждал, что постмодернизм охватывает не только лингвистику и критику источников, но и историю религии, культуру, историю классов и классового сознания. С этой позиции, считает П. Джойс (Joyce, 1991, p. 204-209), история никогда не предстает перед нами в иной форме, кроме дискурсивной. Продолжила дискуссию Габриэль Шпигель (Spiegel, 1992), в свою очередь подчеркивая, что «лингвистический поворот» учит осторожнее обращаться с текстами, но если нет ничего за пределами текста, то история как таковая несостоятельна, а объект познания становится фикцией. При этом, как отмечала Г. Шпигель (Spiegel, 1992), социальная логика языка делает его зависимым от социального контекста, неотделимым от общественной и политической среды, в которой он приобретает смысл.

Однако, признавая подобное отвержение, следует помнить, что произошло оно не сразу и различными путями, обусловленными состоянием историографии и исторической науки в разных странах. Но при этом позиции сторонников и противников «новой» и «старой» истории оказались четко обозначены, кристаллизовавшись в две фактически полярные точки зрения. Одна (собственно постмодернистская) базировалась на том, что «нет ничего вне текста», никакой социальной реальности, которую бы историк мог понять и описать (Даррида, 2000). Сторонники второй точки зрения отвергали такой подход, настаивая на том, что методы современной исторической науки (исключая аморфные постмодернистские «новинки» о том, что «все связано со всем») позволяют историку не только создавать умопостигаемый образ прошлого, но и делать необходимые в его профессии широкие обобщения (Marwick, 2001). Первая точка зрения была наиболее ярко отражена в работах американского историка Х. Уайта, что неудивительно, поскольку в американском историческом сообществе всегда были популярны концепции французских постструктуралистов (Визигин, 1996).

Постепенно идеи постмодернизма, выглядевшие поначалу довольно экстравагантно, нашли понимание и у некоторых историков-«традиционалистов». Этому способствовало появление ряда философских работ (Деррида, 2000; Фуко, 1996; Бодрийяр, 2015), авторы которых, будучи специалистами в области эпистемологии, популяризировали идеи постмодернизма. Так, во Франции создателем «новой эпистемологии» считают Г. Башляра, взгляды которого оказали непосредственное влияние на М. Фуко. Все эти обстоятельства способствовали тому, что между сторонниками и противниками постмодернизма в исторической науке начался диалог, не только устранявший крайности в позициях сторон, но и приведший к детальному анализу эпистемологических идей постмодернизма.

Описанный выше процесс привел в итоге к поражению идей постмодернизма и появлению концепции «нового исторического синтеза». Однако путь оказался долгим и болезненным. Знаменитый представитель второго поколения французских анналистов Ж. ле Гофф (1992) формулировал свое неприятие постмодернизма очень мягко. Он писал, что «историк всегда предпочитает человеческие существа абстракциям, но он не в состоянии понять их иначе, чем в рамках тех социальных и политических систем, в которых они жили» (Ле Гофф, 1992, с. 11). Этим самым французский историк ясно давал понять, что историческое обобщение и образ прошлого неизбежно являются для историка частью профессионального навыка, напрасно отвергаемого сторонниками постмодернистской методологии. Таким образом, тексты имплицитно несут в себе единство материальной и дискурсивной реальности и выражают их взаимную обусловленность в историографической практике (Ле Гофф, 1992, с. 12).

Дальнейшая дискуссия развернулась на страницах журнала “Social History” и приобрела общемировой масштаб. Статья американских историков Д. Мейфилда и С. Торн (Mayfield, Thorne, 1992) «Социальная история и недовольства по ее поводу: Г. С. Джонс и политика языка» (“Social history and its discontents: Gareth Stedman Jones and the politics of language”) была посвящена анализу книги Г. С. Джонса «Языки класса» (1983 г.), в которой авторы находили все характерные черты «лингвистического поворота»: описание политического языка как автономной символической и концептуальной системы, определяющей идентификацию и поведение масс, элиминацию политики из контекста социальных отношений, отрицание роли научного языка как средства отражения материальной действительности, а также анализ общественных классов не как онтологически данных реальностей, но как дискурсивных конструкций. Этот подход Д. Мейфилд и С. Торн (Mayfield, Thorne, 1992) считали неприемлемым.

В свою очередь, опровержению этой позиции была посвящена статья Е. Лоуренса и М. Тейлора (Lawrence, Taylor, 1993) «Нищета протеста: Г. С. Джонс и политика языка» (“The poverty of protest: Gareth Stedman Jones and the politics of language – a reply”). Они полагали, что постмодернистская методология истории, напротив, дает «новые инструменты для понимания природы широких политических дискуссий» (Lawrence, Taylor, 1993, p. 5).

Все претензии к постмодернизму как методу авторы отвергали. В том же номере журнала выступил и П. Джойс (Joyce, 1993) со статьей «Воображаемые недовольства по поводу социальной истории» (“The imaginary discontents of social history”). Он полемически призывал к «адекватному осмыслению проблем», критикуя Д. Мейфилда и С. Торн за искажение его позиции, а Е. Лоуренса и М. Тейлора – за невнимание к теоретическим аспектам спора между сторонниками постмодернизма и традиционной социальной истории (Joyce, 1993).

Что касается монографических исследований влияния постмодернизма на историографию, то здесь следует выделить труд К. Дженкинса, которая указывала, что «история есть некий непостоянный проблематичный курс, который создается группой оплачиваемых работников, чьи интересы непосредственно связаны с современной политической властью. История сама по себе – не более чем идеологическая конструкция, постоянно перерабатываемая и переоформляемая властью» (Jenkins, 1991, p. 17). По мнению К. Дженкинса, история – «не более чем словесная игра, где истина и иные похожие выражения изобретены лишь для того, чтобы начинать, регулировать и заканчивать толкования. История интерсубъективна и идеологически задана, а объективность и беспристрастие в ней – химеры. История не наука и не искусство, она нечто *sui generis*, искусная игра слов, где метафоры истории как науки и истории как искусства отражают структуру власти, которая вводит эти метафоры в игру» (Jenkins, 1991, p. 18).

Наиболее последовательным критиком постмодернизма является Артур Марвик (Marwick, 1995a; 1995b; 2001). Он наиболее планомерно сформулировал семь базовых правил современного исторического исследования:

- 1) цель истории – обеспечивать надежное знание о прошлом;
- 2) любая историческая работа – это всего лишь посильный вклад в это знание, она открыта для критики и совершенствования;
- 3) историки могут обеспечивать знание о прошлом только путем систематического изучения источников, которые являются единственными реликтами и следами прошлого;
- 4) история – это не само прошлое и тем более не метафизическое размышление о природе последнего, она – знание, полученное историками;
- 5) ясность и точность – это фундаментальные качества профессионального историка;
- 6) общие понятия необходимы историку как для интерпретации источников, так и для изложения результатов своего исследования; они в конечном итоге должны соответствовать тому, что он обнаружил в источниках;
- 7) история должна заботливо оберегать свою автономию как в отношении других дисциплин, так и по отношению к политическим обстоятельствам (Marwick, 2001).

В своей статье А. Марвик называл упомянутую выше книгу К. Дженкинса «классическим примером постмодернистского вздора и презрения к признанной научной практике» (Marwick, 1995b, p. 5), а статью американского постмодерниста Э. Истхоупа с довольно грубыми нападками на Л. Стоуна – «порывом риторики, который легко принять за выражение идиотского самообожания» (Marwick, 1995b, p. 31).

Показательным симптомом того, к чему приводит игнорирование различий между фактом и вымыслом, служат диссертационные исследования последних лет. Так, диссертация Н. И. Горловой (2021) «Историческое развитие добровольчества (волонтерства) в Советской России, СССР и современной России» открывается заявлением о том, что вопросы научного освещения прошлого всегда находятся на острие борьбы за умы и души людей. Обосновывая актуальность, исследователь пишет, что изучение волонтерства поможет лучше понять сформировавшиеся в западных странах представления о России. При этом автор диссертации отмечает, что история страны рассматриваемого периода характеризуется как «сплошной кровавый террор, беззакония, дикости и невежества» (Горлова, 2021, с. 12). Заключение диссертационного исследования Горловой (2021, с. 15) предлагает извлечь из прошлого не только исторически значимые следствия, но и представить их в виде литературно обработанного нарратива.

К началу XXI века интерес к постмодернизму в историографии постепенно угасает. Как констатировал Р. Торстендаль (Thorstendahl, 2000, p. 115), руководивший секцией историографии XX в. на XIX Международном конгрессе историков в Осло в 2000 г., в настоящее время немного свидетельств того, что постмодернизм оказал какое-либо влияние на традиционную историческую методологию и нормативную систему правил профессиональных историков. Причиной тому, на наш взгляд, служат два обстоятельства различной природы. Первое – методологическое: в отношении главных проблем понимания прошлого техники деконструкции и дискурсивного анализа не представляют большой ценности по сравнению с такими методами, как те, которые выработаны историками в течение многих поколений. Они не показали той эпистемологической значимости, которая от них ожидалась, однако создали иллюзию, которая во многом стала причиной популярности постмодернистской методологии в современном историоописании.

Второе обстоятельство обнаруживает под собой более широкое эпистемологическое основание в том отношении, что деконструкция текста влечет за собой неизбежную «деконструкцию» сознания историка. Зачастую этому не придается особого значения, но проведенное выше исследование природы быстрого распространения постмодернистских идей показывает, что такая «абстрактная» вещь, как «чистая» историческая эпистемология, имеет ряд важных практических следствий. Эпистемологические идеи могут быть бессознательно внушены утопическими мечтами от «легкого обучения» до конкретных политических практик. Именно поэтому методология исторического знания должна быть направлена на поиск объективного знания независимо от того, сочетается ли эта истина с текущими политическими целями.

Профессиональный историк может (и зачастую вынужден) смириться с тем, что его источник не дает возможности составить умопостижимый образ прошлого во всех подробностях, базируясь на исторических

фактах. Но он не может и не должен мириться с эпистемологией, которая утверждает принципиальное отсутствие различия между историческим и литературным дискурсом, и как следствие – отсутствие различия между историческим фактом и вымыслом. Настаивать на таком отсутствии – значит утверждать, что объективных фактов не существует, и в истории невозможно совершить фактической ошибки просто потому, что нет различия между ложью и правдой. Именно этот абсурдный вывод стал причиной падения интереса к постмодернизму и постепенному возвращению понимания того, что каждый историк должен воспринимать истину в качестве фундаментальной ценности и цели научного исследования, которая существует как изначальное условие любого научного изыскания. Постмодернизм в истории – это не столько философская позиция, сколько когнитивный субстрат, который возникает при разрыве между высокой сложностью профессиональной исторической работы и низкой когнитивной стоимостью нарративного повествования. В этом смысле уход от постмодернизма – это восстановление когнитивно-эпистемологической значимости исторической науки, но не элиминация его вопросов (о природе нарратива, роли языка), а их реинтеграция в более сложные когнитивные схемы.

Заключение

Для достижения цели исследования, которая заключалась в критическом анализе постмодернистского вызова традиционной исторической методологии и оценке его последствий для современной исторической науки, были последовательно поставлены и решены следующие задачи, встроенные в строгое соответствие с логикой и содержанием статьи. Первой задачей стала реконструкция ключевых аргументов постмодернистской критики, направленных против фундаментальных оснований традиционной исторической методологии. К числу этих аргументов относятся, во-первых, отрицание объективности исторического знания – тезис о том, что любое историческое описание неизбежно несет на себе печать субъективности автора и его культурно-языкового контекста; во-вторых, слияние истории с литературным нарративом, то есть утверждение, что исторический текст принципиально неотличим от художественного произведения по своим риторическим приемам и способам организации сюжета; в-третьих, деконструкция самого понятия «исторический факт», который объявляется не данностью реальности, а конструкцией, порожденной языком и властными отношениями. Второй задачей выступила систематизация основных контраргументов, предложенных профессиональным историческим сообществом в лице таких авторов, как А. Я. Гуревич, Л. П. Репина, Л. Стоун, Г. Шпигель и А. Марвик. Все эти авторы, несмотря на различия в акцентах, едины в том, что постмодернизм не предложил позитивной исследовательской программы, которая могла бы прийти на смену традиционной исторической науке.

Третьей задачей стало выявление глубинных когнитивных механизмов, которые позволяют объяснить, с одной стороны, временную популярность постмодернизма в исторической науке, а с другой – последующее поражение и угасание. Так, к инструментам, обеспечившим временный успех, можно отнести кризис доверия к «большим нарративам» (марксизму, теории прогресса, позитивизму), который обострился в западно-европейской интеллектуальной культуре 1960-1970-х гг. Риторическая привлекательность новой методологии как интеллектуально острого и эпатажного инструмента стала притягивать молодых исследователей эффектом новизны и обещанием разоблачить скрытые властные механизмы насилия. Значимым следствием также стало осознание, что в исторической науке отсутствовали конкретные исследовательские достижения методологии постмодернизма, которые можно было бы предъявить в качестве убедительного примера превосходства новой исследовательской программы.

Наконец, четвертой задачей является демонстрация практических следствий влияния постмодернизма на современные исследовательские работы. Анализ конкретных исторических статей и монографий 1990-2010-х годов показывает, что прямое следствие постмодернистской методологии встречается редко и, как правило, ограничивается ранними, экспериментальными работами либо текстами философов, а не профессиональных историков-эмпириков.

Именно таким представляется в современной исторической науке процесс познания прошлого для критически мыслящего профессионального историка, сочетающего рациональное историческое сознание с методологическим инструментарием такого же рода и качества. Современными перспективными исследованиями представляются работы (Медушевская, 2008; Доманова, 2023) в области изучения когнитивных механизмов «интуитивной истории» как того базового уровня исторического мышления, на котором постмодернистский релятивизм вступает в конфликт с естественными когнитивными установками человека. Особую, в этом смысле, значимость приобретают разработки методик изучения и преподавания методологии истории, позволяющие исследователям самостоятельно отличать научное историческое знание от поиска деструктивных работ. Авторам статьи видится перспективным использование этих методик для различения научного исторического знания от деструктивных работ, включая систему маркирования источников, а также учебных кейсов, которые позволят моделировать ситуации методологического выбора.

Источники | References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.
2. Визигин В. П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории: сборник статей. М.: Coda, 1996.
3. Горлова Н. И. Историческое развитие добровольчества (волонтерства) в Советской России, СССР и современной России: дисс. ... д. ист. н. Краснодар, 2021.

4. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории: сборник статей. М.: Coda, 1996.
5. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2-3.
6. Деррида Ж. О грамотности. М.: Ad Marginem, 2000.
7. Доманова С. А. Когнитивная история: витамерность и трансдисциплинарность // Беззаветное служение науке и образованию. К 100-летию со дня рождения О. М. Медушевской: сборник статей по материалам всероссийской научной конференции (г. Москва, 6 октября 2022 г.). М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2023.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
9. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008.
10. Репина Л. П. Вызов постмодерна и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории: сборник статей. М.: Coda, 1996.
11. Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996.
12. Уайт Х. Практическое прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
13. Jenkins K. The Postmodern History Reader. L. – N. Y.: Routledge, 1991.
14. Joyce P. History and Post-modernism // Past and Present. 1991. No. 133.
15. Joyce P. The imaginary discontents of social history: A note of response to Mayfield and Thorne, and Lawrence and Taylor // Social History. 1993. Vol. 18. No. 1.
16. Lawrence J., Taylor M. The poverty of protest: Gareth Stedman Jones and the politics of language – a reply // Social History. 1993. Vol. 18. No. 1.
17. Marwick A. Concepts and Sources: Seven Modest Rules for the 21st Century // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995а.
18. Marwick A. The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language. Basingstoke: Palgrave, 2001.
19. Marwick A. Two Approaches to Historical Studies: the Metaphysical (Including “Postmodernism”) and the Historical // Journal of Contemporary History. 1995b. Vol. 30. No. 1.
20. Mayfield D., Thorne S. Social history and its discontents: Gareth Stedman Jones and the politics of language // Social History. 1992. Vol. 17. No. 2.
21. Spiegel G. History and Post-modernism // Past and Present. 1992. No. 135.
22. Stone L. History and Post-modernism // Past and Present. 1991. No. 131.
23. Thorstendahl R. Assessing Professional Developments. Historiography in Comparative Perspective // Proceedings. Acts, Reports, Abstracts and Round Table Introductions: XIX International Congress of Historical Sciences. Oslo, 2000.

Информация об авторах | Author information

Папченко Елена Викторовна¹, д. филос. н.
Назарова Вероника Сергеевна², к. филос. н.
^{1,2} Южный федеральный университет, г. Таганрог

Elena Viktorovna Papchenko¹, Dr
Veronika Sergeevna Nazarova², PhD
^{1,2} Southern Federal University, Taganrog

¹ papchenko-73@yandex.ru, ² doors80@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.04.2026; опубликовано online (published online): 03.06.2026.

Ключевые слова (keywords): постмодернистская методология; дискуссии в историографии; когнитивная эпистемология; когнитивная нагрузка; postmodernist methodology; debates in historiography; cognitive epistemology; cognitive load.